

## Глава 15. Горшок с жасмином

Отвержение и бессердечность отца, равнодушие матери — всё это сформировало у маленькой девочки робкий, слабый и беспомощный характер.

Мужчина замахнулся на неё палкой, и всё тело девочки задрожало, но привычная, четко запечатлевшаяся в памяти боль так и не обрушилась на неё. Она невольно подняла голову.

Чья-то рука перехватила палку, занесённую над ней.

Мужчина средних лет по имени Чжоу Сань фыркнул: кто это посмел лезть не в своё дело? Он поднял взгляд — и замер. К-культуратор?!

Свирепое выражение на его лице мгновенно испарилось:

— Я... я всего лишь воспитываю собственных детей, что изволит делать бессмертный господин?

В Альянсе Бессмертных существовало правило: культураторам запрещалось вмешиваться в дела смертных.

Се Чжэнь не желал тратить слова на пустоту и прямо произвел обмен:

— Раз она тебе не мила, так отдай её мне, как тебе такое?

Чжоу Сань явно опешил, а затем его глаза загорелись:

— Эта моя девчонка росла целых десять лет, как же я могу отдать её бессмертному господину просто так...

Се Чжэнь бросил глубокий взгляд на этого расчетливого мужчину, в котором не было ни капли родительской нежности — тот в первый же момент принялся вести торговую сделку.

Какие уж тут узы плоти и крови? В его глазах это была лишь вещь для извлечения выгоды.

Се Чжэнь бросил взгляд и на женщину. На её лице всё же мелькнуло подобие тени сожаления, она приоткрыла рот, но в конце концов не произнесла ни слова.

Женщина рядом, напротив, проморгала увлажнившиеся глаза и притянула к себе слегка ошеломленную маленькую девочку:

— Дочка, ты не вини отца с матерью. Сама же знаешь, как трудно приходится дома, прокормить вас, ораву детей, просто не под силу. Если пойдешь с бессмертным господином, всяко лучше будет, чем с нами мытарства терпеть...

Не стоит она того.

Се Чжэнь высказался предельно ясно еще и потому, что они всё-таки жили в Городе Восхождения на Небеса — нужно было сразу пресечь любые попытки дальнейших бесконечных тяжб и привязанностей.

Он запустил руку в карман Чэнь Юньбао и вытащил оттуда мешочек с пшеницей. Это были любимые снеки Чэнь Юньбао: он обычно грыз их просто так от нечего делать. Пшеница была совершенно безвкусной, но Чэнь Юньбао целыми днями с усердием её жевал и вечно норовил затянуть в рот всё подряд.

Чжоу Сань даже не понял, откуда у него взялась такая дерзость, но он тут же схватил мешочек:

— Хватит, вполне хватит!

Он и помыслить не мог, что настанет день, когда он сможет обменять живого человека на мешок пшеницы.

Се Чжэнь взмахом руки прервал отвратительную физиономию торгующегося мужчины. Поразмыслив, он вспомнил, что сейчас у него за душой нет ни гроша, но...

Выражение лица Чжоу Саня резко изменилось: неужели это духовный рис?

Обычные простолюдины, знавшие обо всём лишь понаслышке, черпали свои скудные познания о культиваторах из историй бродячих сказителей да из бабьих сплетен. Сказители в чайных уверяли, будто духовный рис исцеляет любые болезни, раращивает плоть на костях и возвращает к жизни мертвецов.

Се Чжэнь произнес:

— Не оглядывайся.

Имя человека — это доказательство его существования в бренном мире.

Худенькая, исхудавшая девочка робко ответила:

— Да-а.

А вот маленькая девочка всё оборачивалась и оборачивалась. Неужели... её и вправду продали собственные родители?

Растерянность. Полное непонимание происходящего.

Духовный рис, способный исцелить сотни болезней, воссоздать плоть и вернуть к жизни, возможно, где-то и существовал, но он точно не был тем мешком пшеницы, что оказался в руках Се Чжэня.

Затем он спросил:

— Как тебя зовут?

Хотя пшеница и содержала толику мягкой духовной энергии, толк от неё был лишь при долгом и обильном потреблении, так что ценность этого мешочка оказалась далеко не столь высока, как можно было вообразить.

Се Чжэнь подумал про себя: у неё даже нормального имени не было.

Се Чжэнь сказал:

— Это мешок духовного риса.

Не успела девочка до конца погрузиться в скорбь, как Се Чжэнь бросил:

— Не нужно так убиваться. С этой минуты вас с ними больше ничего не связывает, теперь оплакивать тут нечего.

Се Чжэнь забрал обоих и направился прочь. От начала и до конца мужчина средних лет так и стоял, любовно поглаживая мешок с пшеницей, даже не подняв головы.

Се Чжэнь: «.....»

Се Чжэнь заговорил:

— Я дам тебе имя. Отныне тебя зовут Чжэньбао — сокровище мира, то, что не купить и за тысячу золотых.

Маленькая девочка замерла. Сокровище мира... то, что не купить и за тысячу золотых?

Неужели она обладает столь великой ценностью?

Словно угадав её растерянность, Се Чжэнь произнес:

— Каждый человек в этом мире уникален. Вскоре ты поймёшь, насколько важна ты для других и для самой себя.

Маленькая девочка — нет, Чжэньбао — ошеломленно смотрела на Се Чжэня, потеряв дар речи.

Таких слов ей еще никогда в жизни слышать не доводилось.

Рядом Чэнь Юньбао прикусил палец, наблюдая за новым членом их небольшой компании: неужели теперь у него появится кто-то, с кем можно поиграть?

Вернувшись в обитель, Се Чжэнь вошел в дом и бросил взгляд на остатки пшеницы с прошлых дней. Изначально он планировал приберечь её всю для собственного пропитания.

Поскольку зона влияния Карты Позитивной Мутации была ограничена, объемы урожая оставались невелики.

Но теперь ему приходилось снести часть запасов на продажу в лавку Альянса Бессмертных.

Одежда на Чжэньбао была донельзя ветхой и рваной — судя по всему, её сшили из обносок взрослых после долгих починок и перекроев. Если не считать опрятности, от вида нищенки она ушла недалеко.

Да и синяки на её теле требовали целебной мази.

Всё это были вещи первой необходимости.

Заодно придется прикупить обновок и для Чэнь Юньбао. Прежний Чэнь Юньбао уж точно не испытывал нехватки в одежде, но Се Чжэню было неловко снова обращаться к Чэнь Сюаню за помощью.

Увести у человека сына и при этом оказаться не в силах даже одеть его — в этом было что-то неловкое.

Се Чжэнь расфасовал пшеницу по мешкам, отложил семена для посадки и вышел за порог.

Во дворе Чжэньбао принималась за стирку белья.

Выражение её лица было насквозь пропитано робким страхом — казалось, она изо всех сил старается продемонстрировать свою полезность.

Эта её не по возрасту раннее понимание жизни разрывало сердце: у нее с молодых ногтей выработался инстинкт выживания. Наверное, она искренне верила, что все люди в мире подобны её родителям, и потому должна безостановочно трудиться, лишь бы избежать упрёков и брани.

Се Чжэнь тяжело вздохнул про себя, но останавливать девочку не стал: порой человеку

необходимы хоть какие-то дела, чтобы утвердиться в собственной ценности.

Он обронил:

— Я отлучусь ненадолго. Присмотри за Юньбао как следует, не позволяй ему валяться в грязи на земле и пачкаться.

Прямо за узким переулком находились лавка одежды и аптека, идти было недалеко.

Когда Се Чжэнь вернулся с покупками, Чжэньбао уже развесила выстиранную одежду на шесте. Она испуганно и осторожно покосилась на Се Чжэня, смертельно боясь, что тот останется хоть чем-то недоволен.

Человек, попавший в чужой дом, неизбежно испытывает щемящее чувство чужака под чужой крышей.

Се Чжэнь мягко сказал:

— С этих пор твой дом здесь, не стоит так скованно себя держать.

А затем добавил:

— Умеешь греть воду?

Чжэньбао торопливо закивала: дома всю эту работу выполняла она.

Се Чжэнь одобрительно хмыкнул:

— Ступай, согрей воды, искупайся. Это твоя новая одежда, а это мазь от ушибов.

— Знаешь, как мазать раны?

Се Чжэнь обмакнул палец в мазь и для примера аккуратно тронул её запястье.

В конце концов, девочке было уже около десяти лет, и подобные дела ей следовало делать самостоятельно.

Се Чжэнь уединился в комнате: его всё ещё ждал нераспечатанный сундук сокровищ, добытый после победы над водяным призраком.

Он мысленно коснулся сундука, и тот отозвался мелодичным звоном.

В комнате мгновенно повеяло тончайшим ароматом.

Перед ним возник комнатный цветок в горшке — это был куст жасмина.

И впрямь, система могла выдать в награду вещь абсолютно любого толка.

Освежающее, глубокое благоухание мгновенно принесло умиротворение в душу.

И это была не иллюзия: в нежном цветочном аромате таилась духовная сила, способная разгладить любые душевные тревоги.

Се Чжэнь перевел взгляд на подсказку платформы стримов.

Получено в награду: горшок с жасмином. Жасмин — разновидность высококачественных цветов, выведенная древними практикующими. Способен успокаивать разум и сердце, помогая cultivators в медитации и тренировках. Се Чжэнь подумал: вещь вполне недурная.

Поразмыслив, он аккуратно срезал с жасмина несколько веточек. Срезка была выполнена мастерски: на каждом черенке остался узелок с живой почкой.

Затем он воткнул эти черенки прямо в пшеничное поле.

Наступила ночь. Клубился серый туман, и Се Чжэнь вновь задействовал Карту Позитивной Мутации. Сквозь невидимую, плотную пелену тумана происходили неведомые изменения.

На следующий день, едва переступив порог, Се Чжэнь сразу же ощутил густой аромат цветов.

За одну ночь жасмин распустился, и весь двор наполнился благоуханием.

На пшеничном поле, у самых стеблей пшеницы, всюду цвели небольшие пучки белых цветов.

Каждый кустик жасмина, пусть и крошечный, венчался двумя-тремя белыми бутонами.

Се Чжэнь улыбнулся: всё вышло точь-в-точь так, как он и предполагал.

Стоит ему нарезать побольше черенков и культивировать их каждую ночь, как со временем здесь раскинется целый сад жасмина.

Какая от него польза?

Разве в подсказке не говорилось, что он успокаивает ум и помогает в медитации? В будущем он сможет обустроить себе место прямо посреди клумбы — как же чудесно будет сидеть там, погрузившись в созерцание!

К тому же, даже без этих полезных свойств его скромный двор пока пустовал, а разбитый цветник добавил бы ему живописности.

Шаг за шагом обустраивать собственный уголок — ощущение оказалось на редкость приятным.

Эти пару дней Се Чжэнь был полностью поглощен созданием цветника: каждый вечер он нарезал черенки, а на утро пересаживал зацветшие кустики жасмина на заранее спламерованный участок земли.

Буквально за несколько дней клумба во дворе приобрела вполне законченный вид.

Пока пересаженные кустики были еще малы, но когда они подрастут, станет еще красивее.

Однако Се Чжэню не суждено было долго наслаждаться покоем: в ворота громко постучали.

Целая вереница детских макушек просунулась в щель между створок:

— Дядинька-батя, мы пришли навестить тебя!

Целая стайка старших племянников.

Племянники были мокрыми от пота, и, если присмотреться, к поясам каждого из них была привязана веревка, а к ней — по тяжелому булыжнику.

Судя по всему, это был один из методов закалки тела.

Се Чжэнь махнул рукой, приглашая их войти.

— Дядинька-батя, воды! Мы умираем от жажды.

— Мы притащили эти камни аж из самого центра города, целый час бежали.

— Если бы мы не улизнули тайком, нас бы точно наказали.

Се Чжэнь на мгновение опешил: они сбежали тайком?

Вмиг притихший и унылый дворик наполнился звонкими детскими голосами и ожил.

Пожалуй, сильнее всех нервничал Чэнь Юньбао. Он плотно заслонил собой Великого Белого Оленя:

— Кататься разрешено только ученикам наших Небес Дало!

Раз они не принадлежат к Небесам Дало, им и близко подходить к его оленю не позволено.

Се Чжэнь почувствовал странное, неуловимое умиротворение: кажется, лишь теперь в эту жизнь вдохнули настоящую душу.

К вечеру Мо Фучжоу обратился к одному из старых наставников:

— Куда это все подевались?

Этих учеников привели в Город Восхождения на Небеса под его началом, чтобы они воочию увидели, как культиваторы искореняют нечисть и защищают праведность. Считалось, что это их первое закаление в мире смертных, важнейший этап на пути духовного совершенствования.

Старый наставник тоже растерялся: разве они не отправлялись навестить дядюшку-батю?

Или они пошли вовсе не к Мо Фучжоу?

У Мо Фучжоу сейчас были дела поважнее. Рядом с ним стояли двое — один постарше, другой помладше. Старший, одетый в академическое конфуцианское ханьфу, приходился ему близким другом. Это был Дунфан Юйсяо из Академии Шанъян, одной из Двенадцати Священных Небес Альянса Бессмертных.

Младший же отличался копной шелковистых белых волос и облачением крошечного конфуцианского учёного; это был удивительно миловидный мальчик с фарфоровым лицом, рожденный с редкими аномальными особенностями телосложения. Правда, его лицо омрачала болезненная бледность, а во взгляде читалось страдание — то был его младший брат Дунфан Лувэнь.

Нынешний визит друга как раз и был посвящен этой проблеме: младший брат Дунфан Юйсяо с малых лет страдал от бушующей внутри духовной силы. В последнее время стихия и вовсе металась по его меридианам, причиняя невыносимую боль. Ему срочно требовалось место, где можно обрести душевное спокойствие, и метод усмирения взбесившейся в теле энергии.

Мо Фучжоу и сам прекрасно понимал всю сложность ситуации: подобные всплески духовной силы затрагивали уязвимые меридианы, и здесь не помогало одно лишь превосходство в силе.

Он уже начал испытывать глухое раздражение, как вдруг боль на лице белокурого мальчика усилилась, и тот крепко сжал зубы, сияясь перетерпеть приступ.

В этот момент до них донесся шум детских голосов вместе с едва уловимым, дразнящим благоуханием.

<http://bllate.org/book/22053/2293229>